

*Читайте в серии «Young Adult.
По осколкам любви»:*

*Я – твое сердце
Я тебя чувствую*

Валентина Торкья

Я тебя
чувствую

Freedom

Москва
2026

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Т60

Original title: TI SENTO

All Rights Reserved © 2020, De Agostini Libri S.r.l., www.deagostinilibri.it

Texts: Valentina Torchia

Оформление *М. Фроловой*

Дизайн обложки *Е. Ефименко*

Торкья, Валентина.

Т60 Я тебя чувствую / Валентина Торкья ; [перевод с итальянского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Young Adult. По осколкам любви).

ISBN 978-5-04-186005-9

Эдоардо никогда не чувствовал боли. Его редкое заболевание делает его неуязвимым физически, но отдаляет от мира.

Аврора живет болью. От несбывшихся мечт, семейных проблем и яростной любви к музыке.

Когда девушка бьет Эдоардо в школьном коридоре, происходит невероятное: он чувствует боль. Впервые в жизни. Только от ее прикосновения. Что связывает таких разных подростков? Два мира — рациональный лед Эдоардо и огненная страсть Авроры — соприкасаются, открывая путь к неожиданным чувствам и вопросу: что важнее — не чувствовать боль или научиться чувствовать жизнь?

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

© Золоева Л., перевод на русский язык,
2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-186005-9

Дорогая читательница, дорогой читатель,

в романах обычно рассказываются либо выдуманные истории, созданные живым (или безумным) воображением автора, либо реальные — те, которые происходили на самом деле, даже если иногда это кажется совершенно невероятным.

Эдоардо и Аврора — главные герои романа, который ты держишь в руках, — до недавнего времени существовали только в моей голове, а с сегодняшнего дня, надеюсь, найдут место и в твоём сердце.

Да, обеих персонажей моей книги я придумала. Но в самой истории есть один реальный факт, хотя именно он и кажется самым неправдоподобным. Я имею в виду врожденную нечувствительность к боли. Это генетическое заболевание, которое может протекать в разных формах, но все разновидности этой патологии объединяет неспособность ощущать ни физическую боль, ни сильный холод, ни тепло. Это очень тяжелое заболевание. Часто страдающие им люди умирают в первые годы жизни.

Я тебя чувствую

Как научный журналист и популяризатор науки, я имею дело с историями многих людей. И одна меня буквально поразила. Героиню этой истории зовут Эшлин Блокер, она живет в США и страдает одной из форм врожденной нечувствительности к боли.

Поначалу Эшлин было трудно научиться существовать в собственном теле: когда не чувствуешь боли, ты не в состоянии понять, что может тебя поранить или даже убить. Но сейчас Эшлин двадцать лет. С помощью врачей и благодаря заботе семьи она справляется с болезнью.

Услышав историю Эшлин, я начала вынашивать идею, которая переросла в роман. А на эпизод, где Эдоардо опускает руку в кастрюлю с кипящей водой, меня вдохновил случай, который произошел именно с Эшлин.

Но история Эдоардо и Авроры — это роман, а не научное эссе, поэтому, рассказывая об особенностях врожденной нечувствительности к боли, я останавливаюсь лишь на некоторых из них и не добавляю особых подробностей. К сожалению, в реальной жизни это очень серьезное заболевание, от которого не может исцелить даже самая сильная на свете любовь.

И все равно такие люди, как Эшлин, могут жить полной и счастливой жизнью, даже если

Я тебя чувствую

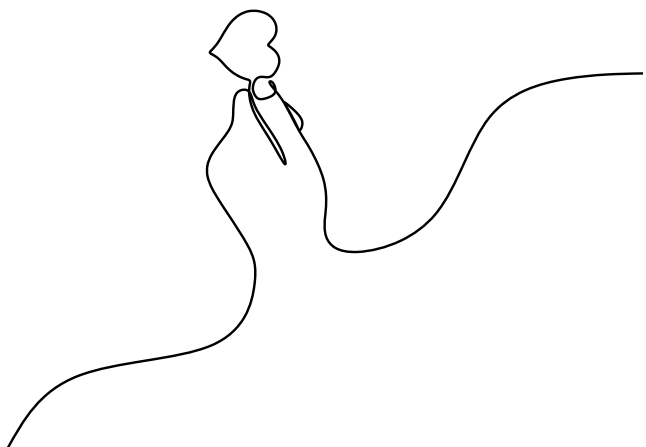
им приходится быть намного более осторожными, чем большинству из нас. Мало того, Эшлин сотрудничает с группой американских ученых, которые, исследуя ее уникальный случай, пытаются пролить свет на сложные молекулярные механизмы, вызывающие боль. Поэтому, в том числе благодаря ей, в ближайшие несколько лет врачи научатся помогать людям, страдающим очень тяжелыми заболеваниями.

Обнимаю тебя бумажными руками в надежде, что они смогут передать тепло моих настоящих рук.

*Приятного чтения!
Валентина Торкова*

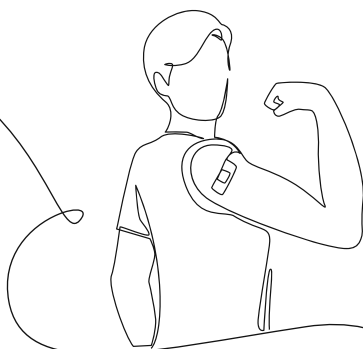
Я чувствую тебя,
Я имею в виду запах,
Ты проникаешь в мысли
И больше не отпускаешь.
Л. Лигабуэ

Всем, кто не сдаётся

Эдоардо Маркони

1

Когда человека бросают, он зачастую очень страдает.

Я читал об этом в какой-то книге. Или это был фильм?

Неважно. В любом случае у всех это происходит по-разному. Когда тебя бросает парень или девушка, ты можешь сломаться и заплакать. А можешь кричать, рвать на себе волосы, бить себя по лицу.

Когда тебя бросают, ты способен на многое. Почти на все. Даже если это опасно и незаконно.

Я был готов практически ко всему.

Но на этот раз все пошло не так, как я ожидал. Потому что, когда я сказал Сузанне, что мы расстаемся, она превратилась в панду.

Ее глаза стали большими и ясными, наполнившись слезами. Их оказалось слишком много.

Валентина Торгвя

И они пролились наружу. Это был настоящий потоп. Под воду ушло все. Включая черную тушь, черную подводку для глаз, черный карандаш и тени для век. Которые были не черными, а темно-серыми. И тут я, кстати, обнаружил, что тени для век цвета мокрого асфальта, намокнув, становятся похожими на чернила.

Короче, вокруг глаз Сузанны расплылись два огромных темных пятна. И ее лицо стало похоже на мордочку панды — этого большого медведя, который целыми днями ест бамбук и тупо глязет на туристов.

Я представил, как Сузанна обедается листьями в зоопарке, затерянном где-то далеко в Китае. И мне стало смешно. Знаю, это не самая уместная реакция, но Сузанна в образе панды — это правда очень забавно. Я пытаюсь замаскировать смех под кашель.

Но, похоже, безуспешно.

— Тебе смешно, да? — кричит она и раздражается рыданиями.

Ситуация обостряется. Надо заканчивать со всем этим. И поскорее.

Я обнимаю ее за плечи и шепчу на ухо:

— Я уверен, что где-то на свете есть кто-то, кто ждет, чтобы его полюбила такая прекрасная девушка, как ты... Ты просто должна дать вам шанс встретиться.

Я тебя чувствую

Сузанна резко отстраняется. Потом нервным жестом смахивает слезы с лица и снова смотрит на меня.

На этот раз ее голубые глаза сияют. Это сияние чистой ненависти.

Прежде чем я успеваю еще что-либо сказать или сделать, Сузанна разворачивается и убегает, исчезая за поворотом коридора.

Я представлял себе этот разговор совсем по-другому. А все потому, что сбросил со счетов эмоции и чувства. Ее чувства.

Знакомый голос шепчет мне на ухо:

— «Где-то на свете есть кто-то, кто ждет, чтобы его полюбила такая прекрасная девушка, как ты...» О. Мой. Бог.

Потом там же, над ухом, раздается резкий смех. Так, наверное, смеется курица с язвой.

Я, не оборачиваясь, направляюсь по коридору.

— Винчи, ты идиот.

— Это было здорово, чесслово. Прямо как в корейской дораме. Ты никогда не думал писать сценарии для телевидения? Для каких-нибудь самых трешевых программ?

Я презрительно фыркаю.

— Ладно, ты прав. Не думаю, что из тебя выйдет хороший сценарист. Ты напрочь лишен

Валентина Торкья

эмпатии, — тарактит Винчи, двигаясь следом за мной в школьный спортзал. — Нет, я правда этого не понимаю. Я только что стал свидетелем проявления полнейшего бесчувствия. Но ведь тебе нравилась Сузанна, нет?

Звонок на мгновение прерывает поток этой словесной диареи. Винчи такой с тех пор, как я его знаю, то есть всегда. Он испытывает постоянную и непреодолимую потребность все комментировать. И его комментарии почти всегда неуместны.

— Меня давно терзают смутные сомнения, — продолжает он, как только стихает трель звонка, возвещающего конец перемены. — У тебя внутри бьется такое же сердце, как у нас, простых смертных, или же ты божество, неспособное к сочувствию?

Я поднимаю бровь и улыбаюсь:

— А ты до сих пор не понял?

Третий урок в субботу. Физкультура.

Парни из моего класса выстроились в футболках и шортах на футбольном поле возле школы.

Я тебя чувствую

В последние дни сентября постоянно шли дожди, и холодная унылая осень смела остатки миланского лета. Футбольное поле нашего лицея представляет собой большой прямоугольник неровного асфальта, втиснутый между историческими зданиями. Сейчас те места, где просел асфальт, превратились в лужи.

Наш физрук Джилетти — закутанный в ветровку расфуфыренный сорокалетний франт — говорит, чтобы мы перед началом игры сделали стандартные десять кругов. Несколько минут он наблюдает, как мы бегаем по прочерченным на асфальте линиям, перепрыгивая через лужи. Потом спокойно поворачивается к нам спиной, направляясь в спортзал, чтобы дать указания девочкам. А также насладиться теплом и непотребной жижей со вкусом шоколада из автомата.

Я бегу, наблюдая, как мое дыхание превращается в клубы пара.

И думаю только о том, как благодарен директорисе за то, что в нашей школе мальчики и девочки занимаются на физре отдельно.

Хоть на какое-то время я избавлен от истерик Сузанны и ее подружек.

— Мы встречались всего три недели, — говорю я Винчи, который догоняет меня, тяжело пыхтя от бега. — То есть мы практически незнакомы.